

КОНТР-АДМИРАЛ М. И. РАТМАНОВ

Автор: О. М. ФЕДОРОВА

Федорова Ольга Михайловна - кандидат педагогических наук, заведующая отделом комплектования Центральной военно-морской библиотеки.

Среди участников первой российской кругосветной экспедиции (1803 - 1806) до сих пор остается в тени первый лейтенант корабля "Надежда", помощник капитана И. Ф. Крузенштерна - Макар Иванович Ратманов. Как и другие участники плавания, он вел интересный дневник, доныне не опубликованный и не получивший должного научного освещения.

Род Ратмановых известен с XVII в. и внесен во II часть Родословной книги Псковской и Тверской губерний. Макар Иванович Ратманов родился в Торопецком уезде Псковской губернии, где располагалось поместье его отца. Датой его рождения считается 7(18) июля 1772 г., но, судя по сведениям из его дневника, Ратманов родился 25 июля (6 августа) 1770 года. "25-го [июля 1806 г.] снялись с якоря в 5-ть часов утра и отправились восвояси - сей день есть 36-ти летней мой возраст", - писал Ратманов¹.

В дневнике другого лейтенанта "Надежды" Е. Е. Левенштерна есть упоминание о праздновании именин Ратманова в 1804 г.: "25 июля, пн (понедельник. - О. Ф.). Были именины Макар[а] Иванович[а] Ратманова. Следуя русским обычаям, он приказал испечь пирог и отслужить молебен в церкви. Из церкви он пошел к Резанову, чтобы пригласить его на пирог. <....> На приглашение Ратманова тот ответил: "Вы, Макар Иванович под моим начальством служить не хотите?" Ратманов прервал его и сказал: "Пирог мой с начальством сношение ни какое не имеет"². Однако именины Макара приходятся на 19 января, а не на июль, видимо, 25 июля (6 августа) было именно днем его рождения, а не именин.

В 1784 г. Макар Ратманов поступил в Морской Кадетский корпус, 1 мая 1788 г. он был произведен из гардемарин в мичманы и участвовал в Русско-шведской войне в составе гребного флота под начальством принца К. Нассау-Зигена на шебеке "Легкая". За храбрость в первом Роченсальмском сражении, длившемся 14 часов, он получил чин лейтенанта. В 1790 г. на своей шебеке в Кронштадтской эскадре вице-адмирала А. И. Круза, он отличился при отражении атаки шведского флота на Кронштадт и в Выборгском сражении. В 1793 г. Ратманова перевели в гребной Черноморский флот, где он командовал транспортным судном "Принцесса Елена", которое в 1797 г. во время шторма затонуло на одесском рейде.

В 1798 г. Ратманов отправляется на фрегате "Григорий Великия Армения" с эскадрой вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова в Средиземное море. Осенью

стр. 105

1798 г., эскадра Ушакова, овладев частью Ионических островов, бросила якоря перед укрепленным островом Корфу. Соединенные войска приступили к осаде Корфу, правый фланг их прикрывал Ратманов, принимавший деятельное участие в атаке укреплений, командуя взятой при его содействии туниской корсарской шебекой, переименованной в "Св. Макарий". К сожалению, отряд капитана И. А. Селивачева, командовавшего кораблем "Захарий и Елизавета" "по нерадивости службы" ночью принял шебеку за французское

судно, обстрелял ее, переломил на ней все реи и повредил паруса.

После взятия Корфу, Ратманов, получивший новую бригадину "Богоявленск", участвовал в отправке сдавшихся французских войск в Анкону, где сделал промер гавани и составил планы береговых укреплений, пригодившиеся вскоре при осаде Анконы. Ратманов участвовал в осаде Анконы в составе эскадры вице-адмирала П. В. Пустошкина и, командуя "Богоявленском", вел бой с канонерскими лодками, поддерживая с моря военные действия на суше - взятие городов Пезаро, Фано и Сенигаллии. Первые успехи закрепить не удалось, потому что русские войска были отведены обратно на Корфу. Для новой блокады Анконы Ушаков, отправил эскадру, под командованием капитана 2 ранга графа М. И. Войновича, в которую входила и бригантина Ратманова. Удачные переговоры Ратманова, подкрепленные угрозами, заставили сдаться французский гарнизон города Фано, за что Ратманов получил орден Св. Анны 4-й и 3-й ст. (в 1798 г.). Бригантина Ратманова прикрывала десант к Сенигаллии, последнему городу на пути к Анконе. Ратманов начал бомбардировать город и удачными выстрелами заставил французов оставить свои позиции и отступить к Анконе. Ратманов вошел в Сенигаллию, где был с восторгом встречен жителями и поднял русский флаг. При осаде Анконы Ратманов был послан усилить сухопутную артиллерию и, обустроив три батареи (Мариинскую, Константиновскую и Николаевскую), обстреливал стены Анконы. С горстью регулярных войск он отражал ежедневные вылазки французов. Затем, командуя флотилией, сформированной им в Сенигаллии, он атаковал Анконскую гавань, где потопил французский линейный корабль, овладел французской купеческой тартаной с двумя пушками, пробиравшейся в Анкону с богатым грузом и взял с бою 18-пушечный бриг "Буанасорте". После капитуляции Анконы Ратманов опять вступил в командование бригадиной в составе эскадры Войновича. В 1801 г., приехав по делам службы в Бриндизи, Ратманов ходатайствовал об улучшении условий плена французского генерала Ф. Э. Дама (1764 - 1828), которого держали в сыром подвале почти без одежды, на хлебе и воде. Ратманов снабдил его одеждой и пищей. После заключения мира в Люневиле, Дама получил свободу, посетил Ратманова и при расставании обменялся с ним рубашками, сказав: "я сохраняю вашу и завещаю хранить ее потомству, как память русского великодушия и моих страданий в подземельях Бриндизи".

В 1801 г. Ратманов возвратился в Николаев на фрегате "Николай" и был награжден орденом Св. Анны 2 ст. за храбрость и распорядительность, проявленные при осаде Анконы. С Черного моря его перевели на Балтику. В 1802 г. во время подготовки первого российского кругосветного плавания капитан-лейтенант Крузенштерн, которому было предоставлено право самому выбирать офицеров, пригласил Ратманова лейтенантом на свой шлюп "Надежда". Крузенштерн еще в Кронштадте возложил на Ратманова обязанности первого лейтенанта, т.е. помощника капитана. В ходе плавания, в 1804 г. Ратманов был произведен в капитан-лейтенанты и награжден в 1806 г. орденом Св. Георгия 4-й степени за выслугу 18 морских кампаний³.

В Центральном военно-морском музее сохранился литографический портрет Ратманова (литография Шевалье) - в последние годы жизни, в эполетах и орденах. Оригинал портрета кисти Федора Антоновича (Отто-Фридриха) фон Моллера находится в Русском музее⁴. В дополнение к портрету отметим, что Ратманов был рыжим (участники плавания его так и называли - "Рыжий", как Лисянского - "Каурым"). Он громогласно командовал на шканцах, был прямодушен до грубости, критиковал всех и вся, в том числе и капи-

тана Крузенштерна (особенно, когда получив чин капитан-лейтенанта, перестал стоять вахты, заважничал и обленился). "...Все у него некстати; гордость, презрение и хвастовство. Знания его не превосходят знания любого из нас, и так как известно, что *чин ум[а] не*

придает, то ему приходится выслушивать много нелестного". "Гордость Ратманова, его самомнение, сварливость, его глупые предсказания и бесполезное командование - невыносимы, особенно потому, что эти его свойства сочетаются с суровыми, грубыми и невежливыми манерами", - отзывался Левенштерн⁵.

Эти оценки становятся понятнее, если принять во внимание, что Ратманов (судя по уже приведенной цитате о его 36-летию в 1806 г.) был ровесником Крузенштерна, и, соответственно, старше Ю. Ф. Лисянского и остальных офицеров. Известно, что Морской корпус он окончил одновременно с Крузенштерном и Лисянским, но помимо русско-шведской войны, в которой участвовали все трое, Ратманов побывал во многих сражениях эскадры Ушакова, как на море, так и на суше. У него не было опыта дальних плаваний в английском флоте, чем гордились Крузенштерн и Лисянский, но ему как боевому офицеру, видимо, было обидно постоянно пребывать на вторых ролях.

Ратманов дольше остальных дружил с графом Ф. И. Толстым (возможно, чувствуя в нем родственную душу), но на Маркизских островах Толстой вызвал на дуэль и его. "Вон поди! - сказал Ратманов. "Как! Подлец, - возразил граф, - я пойду без отщепенца, не наказав твою дерзость, и с словом сим ухватил Ратманова за ворот, а Ратманов его; и так вместо оружия, соперники поражали себя кулаками, давили друг друга за горло; до толе, пока не взял верх над противником своим сильнейший. Решилось наконец тем, что Ратманов графа сбил с ног и видно дал ему хорошую потаску, и потом, выбивши в шею вон из комнаты своей, оставил его с распухшими боками и в стыде"⁶.

В кругосветном плавании Ратманов вел любопытный и колоритный по стилю дневник. В нем наивные замечания об увиденном перемежаются с философствованиями и обращениями к "владычице его души", оставшейся в России: "Нет, любезнейшие мои! Может быть, Тихова океана островитяна, своею природною простотою в бедных и безпорочных хижинах, принудят меня не мыслить о вас, и то не болие каких ни есть секунд. Может быть, природою одаренныя красавицы сих островов заставят посмотреть на них, улыбнуться и сказать: "Ах! Ане хороши. Но твоими, владычица души моей, могут быть толка нимфами и рабынями""⁷.

На страницах дневника Ратманов предстает как бравый морской офицер, отважный мореплаватель, обошедший "около света" под командой Крузенштерна, человек непосредственный, со своеобразным чувством юмора и большой патриот России.

Тем более досадно было прочесть статью доктора технических наук, директора Института истории естествознания и техники А. В. Постникова в Географической серии Известий РАН за 2004 г., где русский мореплаватель Макар Иванович Ратманов был объявлен англичанином. Постников утверждает, что Макар Ратманов (кстати, потомок дьяка Адриана Григорьевича Ратманова петровских времен (умер в 1706 г.)⁸), "очевидно ... был англичанином по происхождению", т.к. "в большинстве своих писем он подписывался, используя английскую форму своей фамилии - Ратмонд (или Ratmond)"⁹. Увы, уважаемый автор выдает желаемое за действительное. Во-первых, сама фамилия Ратманов не английская, а имеет скорее немецкие корни (нем. Ratmann - "член совета"). В России в XVIII-XIX вв. *ратманами* называли выборных членов городских магистратов, ратуш.

Во-вторых, Ратманов подписывался не английской формой фамилии, а ставил титул в словах, оканчивающихся на "-ов" - там, где было мало места на странице. Поэтому столь же "очевидными англичанами" выглядят у него и фамилия "Резанов", и слова - "докторов", "часов", "баранов", "предшественников" и т.д.

Можно было бы посчитать неправильно вычитанное окончание незначительной ошибкой,

пункта" не был бы столь значим. Он лично написал: "Пусть невежды сожалеют, что оне Россияне. Я ж себе счастливейшем почитаю, что магу называтца оным, ибо родшие меня были верноподъданныя отечеству". Надо полагать, Макар Иванович не потерпел бы подобного оскорбления. Но он уже сам ответил своему обидчику - "Цените любезнейшее отечество всему на свете, и, когда можна, зажмите пасти тем мерским, которыя сожалеют, что оне рождены Россиянами. Сии мудрецы мне кажутца или незаконно Рожденными, или, упражнявшись в науках, изтощили свой Разсудок, котораго уже ничего не осталось"¹⁰.

Но Постников пытается объявить Ратманова англичанином, уже просто фальсифицируя текст: "если бы имел право сказать, что наша (карта. - *О. Ф.*) самая лучшая, Но! Совесть не позволяет, ибо я россиянам англичанин". Сия бессмысленная фраза у Ратманова звучит так: "я бы имел право сказать, что наша самая лутчая, но! мне не поверят, ибо я россиянин, а не англичанин. - Хоть справедливости имею болше; но какими доказать доводами не знаю, ласку сочтут за лесть, а прямой отзыв за грубость"¹¹. В другом варианте дневника: "я бы имел право сказать, что наша самая лутчая; но мне не поверят, ибо я россиянин, а притом и не Кук. Хоть справедливости имею болше..."¹².

Кстати, как свидетельствует дневник, Ратманов не знал английского языка. Во время стоянки в Фалмуте ему "случилось быть с товарищем вечером на берегу, которому язык здешней довольно знаком". Товарищем этим был лейтенант Ф. Ромберг. Прогуливаясь на краю города, приятели увидели двух дам, "к которым товарищ мой, подойдя, переговорил с обеими, подал той и другой свои руки и, подведши ко мне, сказал, чтобы я взял адну из двух". Несмотря на языковой барьер, Ратманов "з большею приятностию" вкусил "сладость пола, нами часто обожаемаго" и только потом узнал, что они развлекались с женами городских купцов, "мужья которых по своим комерциям отлучены". Трудно себе представить, чтобы англичанин (или полуангличанин) не мог бы объясниться с дамой на такую простую и жизненную тему.

На Маркизских островах Ратманов сделал себе татуировку "над левой грудью полукружением, под которою находится сердце: "Je suis a vous" - "Я твой"¹³ - на французском языке!

По возвращении в Кронштадт в 1806 г. Ратманов получил чин капитана 2 ранга, денежный пенсион и был командирован в Севастополь, где в 1807 г. командовал линейным кораблем "Победа" в эскадре С. А. Пустошкина при взятии крепости Анапа. Из-за недостатка опытных офицеров на Балтике, Ратманова снова перевели в Кронштадт и назначили в 1808 - 1810 гг. командиром кораблей "Храбрый", а затем "Северная Звезда" в эскадре адмирала П. И. Ханькова.

После кругосветного плаванья Ратманов женился на Анне Христиановне Геринг, дочери генерал-майора артиллерии. У них было два сына - Петр, впоследствии камергер двора, и Михаил, статский советник.

В 1810 г. в чине капитана 1 ранга, Макар Иванович, командуя в легкой эскадре галетом N 5, плавал между Кронштадтом и Петербургом и за маневры, произведенные в присутствии императора, был пожалован бриллиантовым перстнем. До 1812 г. Ратманов оставался в Кронштадте, командуя 10-м корабельным экипажем и 1-й флотской бригадой. В 1811 г. он получил орден Св. Владимира 3-й степени за отличное обучение нижних чинов фронтовой

службе. В 1812 - 1813 гг., командуя кораблем "Борей", доставил из Свеаборга в Ревель сухопутные войска, а потом из Кронштадта в Свеаборг кадетов Морского корпуса, эвакуированных из-за опасности войны, после чего, в эскадре контр-адмирала М. П. Коробки, перешел от Свеаборга к берегам Англии, в Ширнесс, был в крейсерстве с английской эскадрой в Северном море до Флиссенгена (Голландия), откуда возвратился в Кронштадт. В 1816 г. командуя кораблем "Гамбург", крейсировал между Кронштадтом и Дагерпортом, в 1817 г. на том же корабле, плавал от Кронштадта до Кале и в 1817 г. вывозил из Кале русские сухопутные войска. В 1818 г. командуя кораблем "Юпитер", отвел из Кронштадта в Кадис 3 фрегата, проданных Россией ис-

панскому правительству, за что в 1819 г. получил от испанского короля Фернандо VII командорский крест ордена Карла III (учрежден королем Карлом III в 1771 г., ныне высший орден Испании). На обратном пути транспорт "Кармин", на котором возвращался Ратманов, сел на мель возле мыса Скаген. Несмотря на все усилия, снять его с мели не удалось, транспорт затонул, но большая часть команды спаслась. Ратманов через Швецию, по суше возвратился в Петербург.

Весною 1819 г. Ратманов прибыл в Кронштадт и до 1822 г. командовал 11-м флотским экипажем. В 1819 г. император Александр I предложил ему возглавить кругосветную экспедицию на шлюпах "Восток" и "Мирный", однако Ратманов отказался из-за болезни глаз, боясь совсем ослепнуть, и рекомендовал в командиры Ф. Ф. Беллинсгаузена, с которым вместе совершил кругосветное плавание на "Надежде". (Ратманов сообщил в письме к Крузенштерну, что барона Беллинсгаузена это назначение вовсе не обрадовало: "Удивляюсь что барон Вам не писал - он по приезде из Чорнаго Моря на меня сердился что по моей рекомендации его оттуда вызвали и назначили к Южному полюсу. - Признаюсь Вам кажется мне что там больших успехов быть не может"¹⁴). В 1820 г. Ратманов был произведен в капитан-командоры, с 1822 г. он стал директором Кронштадтского порта, а потом начальником легкой эскадры, крейсировавшей в Невской губе. В 1826 г. его назначили генерал-аудитором и директором аудиториатского департамента Морского министерства, а с 1826 г. произведен в контр-адмиралы, награжден орденом Св. Анны 1-й степени и назначен дежурным генералом Главного Морского штаба. В 1827 г. он возглавил вновь учрежденный инспекторский департамент, сохранив звание дежурного генерала. В 1829 г. Ратманов награжден орденом Св. В-ладимира 2-й степени, произведен в вице-адмиралы и получил аренду в 2500 рублей.

Ратманов провел 28 кампаний на море и имел знак отличия за 40 лет беспорочной службы. В 1830 г. из-за болезни Ратманов попросил кратковременный отпуск до выздоровления и вскоре вернулся на службу, однако, новые приступы болезни вызвали необходимость лечения за границей минеральными водами. Это путешествие не принесло желаемых результатов и после 3 лет жестоких страданий и мучительной операции Ратманов умер 21 декабря 1833 г. (3.01.1834). Его похороны на кладбище Сергиевской Пустыни близ Петербурга были омрачены еще одним печальным событием: шедший за гробом кругосветный мореплаватель капитан 1 ранга Л. А. Гагемейстр, во время прохода процессии по Калинкину мосту внезапно потерял сознание и в тот же день скончался. За 43 года службы Ратманов не оставил потомству ничего "кроме доброго имени"¹⁵.

Именем Ратманова названы мыс острова Сахалин, открытый в 1805 г. Крузенштерном, мыс на Новой Земле, нанесенный на карту П. К. Пахтусовым в 1833 г., (Пахтусов вместе с Ратмановым возвращался в Россию на транспорте "Кармин") и остров в Беринговом проливе, виденный С.И. Дежневым и В. И. Берингом, и точно нанесенный на карту английским

Рукописное наследие М. И. Ратманова пока остается еще мало изученным. Существует три авторских варианта дневника, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ), Российской национальной библиотеке (РНБ) и в Национальной библиотеке Франции. Возникает вопрос, писал ли Ратманов на борту "Надежды" все три дневника сразу - один как более-менее официальный документ, а другой (или другие) как частные заметки?

Первой, хотя вряд ли официальной версией, следует считать дневник в форме морского путевого журнала, хранящийся в РГА ВМФ (ф. 14, оп. 1, д. 149). Этот дневник краткий - в нем 56 листов, где изложены события плавания от выхода из Кронштадта до описания Сахалина. Формат дневника примерно 15,5 на 20 см (размером с ученическую тетрадь). Он, как вахтенный журнал, разделен на следующие графы: "Годы и числа" (с указанием также и

стр. 109

зодий), "Термометры (Ромеров [т.е. Реомюров] и Форенгейтов)", "Барометр", "Суточной румб", "Плавания миль итальянских", "Широты и долготы (обсервованные и счислимые)", "Склонение компаса", "Течения моря" (румб, число миль, число дней), "Ветры", "Погоды" и последняя графа журнала "Мои замечания" - в течение дней плавания она краткая, состоит из 2 - 3 строчек. Во время стоянок корабля Ратманов писал сплошной текст поперек разграфленных страниц. Дневник из РГА ВМФ впервые был упомянут (но только упомянут, даже не процитирован) Б. Н. Комиссаровым в Вестнике ЛГУ¹⁷. В 1967 г. Л. А. Шур опубликовал небольшой отрывок из него (посвященный Бразилии) в журнале "Латинская Америка"¹⁸.

Второй дневник, тетрадь в бумажном переплете с кожаным корешком (на нем тиснение - две золотые веточки) формата 15,8 на 20 см, но состоящий из 1+66 листов хранится в отделе рукописей (ОР) РНБ (ф. 1000, оп. 2, д. 1146). Он подробен и гораздо менее официален, но незавершен, доведен только до конца пребывания экспедиции в Японии (26 марта 1805 г.). Дневник разграфлен на три колонки: слева две по 1 см для месяца и числа, в правой, широкой, написан текст. Сверху отчерчена графа высотой 1 см для года. В нем отсутствуют графы, посвященные определениям широт и долгот, румбов, показаниям барометра и т.д. Этот дневник поступил в РНБ в 1939 г., после чего библиотекарь Публичной библиотеки Ю. И. Бронштейн написал статью "Ратманов", хранящуюся в том же фонде ОР РНБ. Бронштейн кратко изложил биографию Ратманова (по публикации в "Яхте" в 1876 г.) на фоне истории первой русской кругосветки, сделал несколько замечаний о его характере - "простой, искренний, не дурак выпить и приволокнуться" и дал характеристику стиля дневника - не предназначался для печати, с нарушением литературных норм и т.д.

О других вариантах дневника, тем более во Франции, Бронштейн не упоминает, высказывая предположение, что может быть, где-то существуют другие материалы Ратманова. В статье Бронштейна, явно популярного, ознакомительного характера, без особых выводов, есть только один важный момент: о датировке документа. Он считал, что неоконченный вариант из РНБ составлен после плавания с имитацией под дневник: "Поездка Кошелева к чукчам, о которой рассказывает Ратманов, произошла, по свидетельству Крузенштерна, осенью 1804 г., во время пребывания "Надежды" в Японии. Узнать о ней Ратманов мог только после возвращения на Камчатку, следовательно, запись составлена задним числом"¹⁹. Бронштейн ошибся: речь шла о двух разных поездках губернатора Камчатки генерал-майора П. И. Кошелева. Ратманов описывает не поездку к чукчам зимой 1804 - 1805 гг., а обстоятельства

поездки к корякам в первой половине 1804 года.

Кошелев гостил в корякском селении, когда коряки-соседи решили напасть и убить его. Хозяин селения поклялся защищать гостя до последнего человека, но враги не напали. Кошелев доложил о происшествии государю и получил от него наградную саблю для коряцкого старшины. Зимой же 1804 - 1805 г. Кошелев ездил к чукотскому тойону Туме, принимал жалобы на злоупотребления прежней администрации и заключил "мирный договор" с чукчами. Об этой поездке сказано уже во второй части парижского дневника²⁰.

Ратманов хорошо понимал разницу между коряками и чукчами: "К Комчатской области принадлежат еще три народа: коряки сидячия, коряки оленные и чукчи, два последних еще не все в подданстве российской Империи, и хоть некоторые и платят ясак, но по своей воли". Окончив рассказ о поездке к корякам, Ратманов добавляет: "Возвратясь из Японии, я пополню сие [сообщение], совершенно надеясь, что меня Его Превосходительства обо всем известит с точностию"²¹. Ратманов был знаком с Кошелевым с 1793 г. и, возможно, общаясь с ним на Камчатке теснее остальных офицеров, знал больше о его делах и поездках. Поэтому анахронизма в дневнике из РНБ, как и в парижском, нет.

На корабле Ратманов писал одновременно два дневника. Зачем он это делал, объясняет фраза Левенштерна: "По приказанию Чичагова каждый офицер после окончания кампании должен представить свой журнал. Это

стр. 110

полезное постановление; но большей частью будут представлены только копии одного и того же судового журнала. В Адмиралтействе не будет недостатка в макулатуре"²². Участники плавания знали также, что личные журналы офицеров экспедиции Дж. Кука Английское Адмиралтейство просто отобрало (они были обнаружены в архивах много лет спустя). Не желая рисковать, Ратманов вел два дневника, а также делал в особой тетради копии всех писем, отсылаемых в Россию - они также являются интересным историческим источником.

Возможно, что Ратманов начинал морской дневник в качестве официального, для сдачи в Адмиралтейств-коллегию, поэтому он переписывал в него навигационные данные из вахтенного журнала, хотя и пропустил некоторые координаты (Бон порта, Петропавловской гавани, Сангарского пролива) и названия островов (Меаксима, Ивосима). По 41-й лист включительно дневник выдержан в повествовательном тоне, в нем нет ни одного упрека в адрес посла Н. П. Резанова, совершенно не упоминается о противостоянии капитана и посла на Маркизских островах и на Камчатке. Но далее, когда речь идет о пребывании в Японии, Ратманов неожиданно перешел к оскорбительным характеристикам Резанова почти на каждой странице.

После этого Ратманов, уже не относясь к своему морскому дневнику как к документу, предназначенному для отчета, продолжал его в менее официальном тоне: "Теперь наша плавание такое что уже всякому известно, кто знает читать морския вояжи и кто их разумеет - а по сему течение моря каждой день - а также и обсервованных долгот показывать не стану. - А так как будет случай и время"²³.

Неоконченный вариант дневника из РНБ, как нам представляется, также был написан на корабле, для себя лично и предназначался не для предъявления начальству, а для друзей. В этом варианте Резанов уже с первой страницы объявлен "нископоклонистом". В нем больше всего упоминаний о "дражайших" и "любезнейших сердцу" и разъяснения некоторых морских терминов, в которых (разъяснениях) сам Ратманов не нуждался: "По выходе в море

на другой день получили ветер от NO, или *северо-востока*. Идем от 5-ти до 7 миль в час. Генъвар. 28. В 10 часов утра видели 2-х мачтовое судно, идущее левым галсом бейдевинт [бейдевинд]. А по полуденной обсервации, уже против реки де Ла Платы, и стали держать на SW, или *юга-запад*"²⁴.

Третий дневник, хранящийся ныне в Париже, в Национальной библиотеке, уже попадал в поле зрения публикаторов. В 1876 г. в ежемесячном прибавлении морской газеты "Яхта" начали печатать дневник, предоставленный редакции сыном Ратманова, действительным статским советником, камергером Двора его императорского величества, Петром Макаровичем. Публикацию, довели только до прибытия экспедиции на Камчатку и, несмотря на объявление "Продолжение следует", прекратили. Потом возобновили, но так и не окончили. К сожалению, редакторская правка текста настолько исказила стиль Ратманова, что назвать эту публикацию аутентичной, несмотря на заявку редакции о незначительности исправлений, не представляется возможным. Редактор устранил все неправильности орфографии Ратманова, выправил его синтаксис, и совершенно лишил текст оригинального колорита. Например, в оригинале: "Тут мы один раз съезжали на берег в напротив нашего места находящеюся дере[в]ушку: где обедали у одного жителя, которой спросил! Что вы россияне. Да! Отвечали мы. И в ту ж минуту хозяен побежал в сад, собрал несколка плодов и бутылку вина [принес], возвратясь, начал делать угощение, и налив рюмку Российской Экспедиции кругом света благополучнаго плаванья. Да ты отчего знаешь? спросили мы, вот схватил лист газет з запылившейся полки вот на самом етим листочки напечатано. И принудил нас отблагодарить его каждой выпив рюмку вина должен по примеру хозяена бросить на пол и разшибить". В "Яхте": "Тут мы съезжали один раз в находящуюся напротив нас деревеньку, где обедали у одного простаго жителя, который во время обеда спросил нас: "вы россияне?" и получив в ответ - "да россияне", он тотчас побежал в сад, собрал сколько мог фруктов и

стр. 111

вместе с бутылкою вина принес к нам, и начал делать угощение. Налив рюмку провозгласил: "Российской экспедиции кругом света благополучнаго плаванья! Я желаю вас угостить всем тем, чем наградил меня Творец и желаю чтобы во всей подсолнечной, где вам случится быть, угощали бы вас с таким же удовольствием и усердием, как я!" Это нас весьма удивило и на вопрос "отчего он знает о нас?", хозяин достал с запыленной полки листок газеты - "вот на самом этом листке о вас напечатано", отвечал он. Потом принудил нас, следуя его примеру - налить рюмку вина, выпить и бросив на пол, разшибить"²⁵.

Подобной же редакции подверглась и первая публикация письма Ратманова у Н. М. Карамзина в "Вестнике Европы" в 1804 году. Например, Ратманов писал: "Как вдруг увидел перед собою *кораловую змию*, от меня пресмыкающеюся, тихо по желтому песку. <...> редкой колёр и едовитость ея понудели меня придавить ее *прикладом* к песку; и любоваться как ея загибами так и прекрасностию цвета...". Под пером автора "Бедной Лизы" конкретная змея коралловый аспид (*Micrurus corallinus*, красного цвета с черными, желтыми или светло-зелеными кольцами) превратилась в жемчужную, а приклад ружья в дуло, которым вряд ли можно прижать к песку змею. "Нынешний день я гулял с ружьем по берегу, задумался и вдруг увидел ползущую змею *жемчужного* цвета, прижал ее *дулом* к песку и любовался ея блестящею кожею..."²⁶.

Судя по тексту, хотя и искаженному редакторской правкой, в "Яхте" печатался именно парижский дневник. Морской дневник из РГА ВМФ близок тексту "Яхты" (и соответственно парижскому), но является его более краткой версией (вернее, первоначальным оригиналом).

В тексте морского дневника присутствуют общие с "Яхтой" и парижским дневником отрывки

о "чреватых" лимонах и канарейках на Teneriffe, о вычислении координат Teneriffe Дж. Куком, Ж. Ш. де Борда и Х. Варела-и-Улоа, о составленной нашими моряками карте, о бракосочетании маркизцев, но отсутствует большинство "скользких" мест - о том, как Резанов "надрызгался и валялся по шканцам", о маклерах, доставлявших послу непотребных женщин, и о конфликте Резанова с Крузенштерном на Маркизских островах. Зато все эти пассажи есть в неоконченном дневнике из ОР РНБ, хотя и написаны другими словами.

О существовании рукописи дневника в Париже упоминал в своей статье Л. А. Шур, отмечая, что у него был микрофильм рукописи, присланной ему из Франции А. Звигильским. У Шура ошибочно сказано, что парижский вариант - это писарская копия. На самом деле все материалы Ратманова из Национальной библиотеки Франции написаны его рукой. Это три тетради.

Первая из них - чистовой вариант дневника, переписанный после плавания красивым четким почерком. Он занимает 52 листа с оборотами тетради "Slave 104" (23,5 на 18,2 см) и называется "Вояж кругом света". На то, что дневник написан после плавания указывают описки Ратманова, например: "Прибыв к острову Тенерифу [нужно: Св. Екатерине] что в Бразилии", или: "Копия с речи говоренная действительным Камергером и кавалером Резановым под парусами на корабле Надежде в широте северной 31° 20' в долготе 225° 50' западной от меридиана Грендзвичева 15 сентября 1805 [нужно: 1804] года"²⁷.

Если человек пишет дневник, как и положено, день за днем, он не перепутает год или название места, которое он посетил. Такая ошибка возникает лишь при механическом переписывании дневника. К тому же в этом варианте Ратманов в нескольких местах оставил пропуски для географических названий (острова Тимоан, Гаспар) которые в морском дневнике даны и даже вполне правильно. Видимо, Ратманов собирался уточнить эти названия и вписать их потом или не разобрал при переписывании собственный почерк, что тоже возможно (в 1819 г. он уже начал слепнуть, но проблемы со зрением должны были у него возникнуть раньше).

На датировку парижского дневника косвенно указывают его следующие отрывки:

стр. 112

"Рим обладал светом, нет там правителей подобных Нуммы [Нуме]; слава уничтожилась, и св. отец на престолы, корона же его отчасти блекла и разрушилась - угодно было северному владетелю установить опять ее и папа на престолы, но лжесвятость уже обнаружена, и Италия в разных руках тиранства". Имеется в виду Пий VI (1717 - 1799), папа римский с 1775 года. Во время его понтификата авторитет папской власти был подорван как в Италии, так и в Австрии и Германии. В 1797 г. Толентинский трактат подчинил Папское государство власти Французской Директории; через два года 80-летний Пий VI по приказу Наполеона был вывезен во Францию, где и умер. Следующий папа с 1800 по 1823 г. Пий VII (1740 - 1823), коронованный Наполеона ("северного владетеля") в 1804 г., после присоединения Папской области к Франции (1809) был до 1814 г. во французском плену.

"Голландская угнетена и угнетается, Женевская изсохла". В 1806 г. Голландскую (Батавская) республику преобразовали в Голландское королевство во главе с Луи Бонапартом. Женевская республика была в составе Франции в 1798 - 1814 гг.

"Гишпания! Но она исчезла как роза от зимней стужи, и сия бывшая сильная и гордая нация, почти в подданстве щастливого Корсиканца"²⁸. Намек на события 1808 г., когда испанский король Карл IV отрекся от престола и передал свои права Наполеону. 20 июля 1808 г.

испанским королем стал брат Наполеона Жозеф, что вызвало народное восстание.

Таким образом, можно предположить, что парижский дневник написан в 1808 г., но никак не позже 1812 г., когда Наполеона уже не могли назвать счастливым корсиканцем.

Может быть, Ратманов собирался публиковать чистовой (парижский) вариант дневника или хотя бы показывать его друзьям. В нем больше философских и политических отступлений, но меньше "лирических", а также смягчены многие грубые выражения, которыми Ратманов характеризовал Резанова в вариантах из РГА ВМФ и ОР РНБ. Например, в морском дневнике: "и посол наотрез сказал, что он представляет лицо первого в свете Императора, и меня как марозом по кожи подрало, что такая *скверная харя и мерекая душа* может представлять лицо Александра". В парижском варианте: "посол наотрез сказал, что он представляет величайшего в свете Императора: и меня в сию минуту как марозом по кожи подрало; слыша что такая *негодница* может представлять лице Александра"²⁹.

Вторая тетрадь, хранящаяся в Национальной библиотеке в Париже, - тетрадь на 40 листов с оборотами (21 на 17 см) под названием "Кругосветное плавание Крузен[штерна]" ("Slave 103(2)") представляет собой окончание морского журнала, т.е. рукописи из РГА ВМФ и продолжает ее, оконченную 27 июля 1805 г., со 2 августа 1805 года. Таким образом через двести лет две разрозненные тетради, хранящиеся в Санкт-Петербурге и Париже, соединяются и получается полный текст первоначального журнала, веденного Ратмановым на корабле.

Третья парижская тетрадь (20,5 на 17 см) с черновиками писем Ратманова к его сестре, друзьям, П. В. Чичагову, Н. М. Карамзину, копиями рескрипта Александра I Крузенштерну, речи Резанова в Японии и т.д. занимает 48 листов с оборотами ("Slave 103(1)"). Ратманов аккуратно копировал письма, отсылаемые им на Родину из Бразилии, Камчатки, Японии.

В своих дневниках Ратманов почти не повторялся, повествуя в трех версиях об одних и тех же событиях по-разному. Его стиль настолько необычен, а построение фраз столь оригинально, что они заслуживают отдельного филологического исследования. Стилиобразующими языковыми элементами дневников служат специальная морская и отвлеченная лексика, и своеобразный синтаксис с рудиментами старого словорасположения (постановка причастия в конце причастных групп и глагола в конце предложения).

Дневники Ратманова с только ему присущей авторской орфографией и синтаксисом выражают его индивидуальный и легко узнаваемый стиль. Написанные в самом начале XIX в., во время глобальных сдвигов в политике и

культуре России, они отражают коренные изменения в живом великорусском языке, пропущенные через восприятие обычного человека, оказавшегося в исключительной ситуации кругосветного плавания. Не являясь литературным текстом, эти дневники выявляют лексическую и синтаксическую основу, на которой строился русский литературный язык XIX в., и могут служить материалом для изучения языковых процессов конца XVIII - начала XIX вв. Для истории русского литературного языка, подобные литературные (или полулитературные) памятники слова не менее важны, чем сочинения признанных писателей и поэтов.

Ратманов был большим патриотом России, он подчеркивал отвагу и мужество российских моряков, впервые отправившихся "кругом света", всегда помнил о "любезном Отечестве" и

отдавал ему предпочтение. Камчатку он сравнивает с плодородной Бразилией и не в пользу последней. "Словом сказать, что страна сия должна быть изобилная, но недостаточна в жителях. А как самое лутчее здесь годовое время, то мы очарователною картиною природы, не даем преимущества Бразилии, с тою розницей, что там шаг на берег [сделаешь] и увидешь деревья, отягченные плодами, вкусить их призывающие; как в то время крокодил или другая какаелибо ехидна на человека устремляется, жадничая ужалить и лишить жизни. Здесь же нет ни того, ни другога, а в великом множестве зверей, которые часто прогуливаются с люд-ми, и наподать на них не дерзают. <...> Земля производит с хорошим урожаем хлеб и овощей, последнею производит и сама натура изобилно а хлеб родится от одного 14. Для скотоводства травы наипитательные и во множестве; охотники разводят з болшими выгодами, так что в два года каждая карова приносит 3-х телят, и дают многа молока харошаго вкуса. Разных сочных трав, грибов и ягод бездна, изобилие в рыбах невероятное..."³⁰.

Ратманов с большой симпатией писал об угнетенных народах - неграх Бразилии, айнах Хоккайдо, часто резко отзываясь об их притеснителях. "Жители сверх природных португальцев большая часть африканских негров или склавов (исконно французское "рабов". - О. Ф.), которых выгоняют на площадь для продажи нагих. Да и обходятся с ними, как с теми, которыя созданы в 6-й день по сотворении мира"³¹.

К "диким" маркизским людоедам Ратманов отнесся без всякого пренебрежения или превосходства белого человека. "У них в обыкновении неприятелей своих есть; а было пред сим за два года неурожай фруктов, которой составляет жителей всегдашнею пищу. И оне тогда убивали детей и жен, которых и съедали. <...> Толко сие заключить можна при совершенной крайности. Ибо поступки [диких] и самой их вид доказывает добросердечие. И в 10-дневную стоянку на якоре каждой день посылали служителей за вадой, за дровами, а некоторыя для собирания произрастений отлучались в давольное расстояния по двое и по одиночке. И никогда, как мы, так и жители, оскорбления не имели"³².

Дневники М. И. Ратманова несут большое количество научной (морской и этнографической, страноведческой) информации, отражают патриотический настрой автора и его личные переживания - ностальгию и разлуку с близкими. В целом, нужно подчеркнуть, что все версии дневника Ратманова ценны для науки и крайне интересны как живой голос русского человека XVIII в., повествующий о перипетиях первой российской кругосветки.

Примечания

1. РАТМАНОВ М. И. Вояж кругом света. - Bibliotheque Nationale (Paris). Departement des manuscrits. Slave 104, л. 52.
2. ЛЕВЕНШТЕРН Е. Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном. СПб. 2003, с. 152 - 153.
3. Вице-адмирал М. И. Ратманов. - Морской сборник. 1855. N 3. Отд. 4, с. 71 - 85; Вице-адмирал М. И. Ратманов. - Яхта. Листок для любителей морского дела. 1876. N 8, ст. 425- 435; N 9, ст. 500 - 510; Общий морской список. Ч. IV. СПб. 1890, с. 655 - 657; Ч. V. 1890, с. 442.

4. Центральный военно-морской музей (ЦВММ), негатив Б-8052; КОПЕЛЕВ Д. Н. Адъютантство на императорском флоте и остзейские "сети доверия". - Новый часовой. 2001. N 11 - 12, с. 15, 22.

5. ЛЕВЕНШТЕРН Е. Е. Ук. соч., с. 273, 299.

6. ШЕМЕЛИН Ф. И. [Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара]. - Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 4, д. 59/1, л. 152 об. -153.

7. РАТМАНОВ М. И. Журнал М. И. Ратманова. В путешествие Крузенштерна. - ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, д. 1146, л. 35 об.

8. БРОКГАУЗ Ф. А., ЕФРОН И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXVI. СПб. 1899, с. 365.
9. ПОСТНИКОВ А. В. Новый источник по истории первого кругосветного плавания россиян (1803 - 1806 гг.). - Известия РАН. Сер. Географическая. 2004. N 3, с. 109 - 117.
10. РАТМАНОВ М. И. Журнал М. И. Ратманова..., л. 15, 15 об. 18 об.
11. ЕГО ЖЕ. Вояж кругом света..., л. 9 об. - 10.
12. ЕГО ЖЕ. Журнал кругосветного плавания. - Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 14, оп. 1, д. 149, л. 11 об. - 12.
13. ЕГО ЖЕ. Журнал М. И. Ратманова..., л. 8, 48 об.
14. Ратманов М. И. - Крузенштерну И. Ф. - РГА ВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 231, л. 13 об. - 14.
15. Вице-адмирал М. И. Ратманов, 1855; Общий *морской* ... IV. 1890, с. 655 - 657; V. 1890, с. 442.
16. МАСЛЕННИКОВ Б. Г. Морская карта рассказывает. М. 1986, с. 181.
17. КОМИССАРОВ Б. Н. Бразилия первой четверти XIX в. в описаниях русских мореплавателей. - Вестник ЛГУ. 1961. N 14.
18. ШУР Л. А. Бразилия начала XIX в. в неопубликованном "Журнале кругосветного плавания" М. И. Ратманова. - Латинская Америка. 1967. N 3.
19. БРОНШТЕЙН Ю. И. Ратманов. После 1939 г. (статья). - ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, д. 185, л. 13 - 14.
20. РАТМАНОВ М. И. Вояж кругом света..., л. 40 об.
21. ЕГО ЖЕ. Журнал М. И. Ратманова..., л. 55 об., 56.
22. ЛЕВЕНШТЕРН Е. Е. Ук. соч., с. 394.
23. РАТМАНОВ М. И. Кругосветное плавание Крузен[штерна]. - Bibliotheque Nationale (Paris). Departement des manuscrits. Slave 103 (2), л. 19.
24. ЕГО ЖЕ. Журнал М. И. Ратманова..., л. 34 об.
25. ЕГО ЖЕ. Вояж кругом света..., л. 3; ЕГО ЖЕ. Записки. - Ежемесячное прибавление морской газеты "Яхта". 1876. N 8, с. 905.
26. ЕГО ЖЕ. Письма. - Bibliotheque Nationale (Paris). Departement des manuscrits. Slave 103(1), л. 19, 19 об.; Письма русских путешественников из Бразилии к господину NN (Н. М. Карамзину). - Вестник Европы. 1804. Ч. XXX.
27. РАТМАНОВ М. И. Вояж кругом света..., л. 8 об., 22 об.
28. Там же, л. 5, 5 об.
29. ЕГО ЖЕ. Журнал кругосветного..., л. 41 об.; ЕГО ЖЕ. Вояж кругом света..., л. 25 об.
30. ЕГО ЖЕ. Журнал кругосветного..., л. 31 - 32.
31. ЕГО ЖЕ. Журнал М. И. Ратманова..., л. 30.
32. Там же, л. 45 об. - 46.